

Вера
БЕЛОУСОВА

Междуза

Как взрослые умные женщины, дружившие с университетских лет, должны реагировать на глупые письма шантажиста? Выбросить и забыть. Или все-таки попробовать понять, нет ли разумного объяснения казавшимся дурацким розыгрышем угрозам? Особенно если одна из приятельниц почти тут же попадает под машину...

Вера Михайловна Белоусова

Медуза

Серия «Самое время!»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70006507

Медуза: Время; Москва; 2022

ISBN 978-5-9691-2298-7

Аннотация

Как взрослые умные женщины, дружившие с университетских лет, должны реагировать на глупые письма шантажиста? Выбросить и забыть. Или все-таки попробовать понять, нет ли разумного объяснения казавшимся дурацким розыгрышем угрозам? Особенно если одна из приятельниц почти тут же попадает под машину... Вместе со взявшейся за расследование героиней мы переносимся и в начало 1990-х, и во вторую половину 1970-х, и в более отдаленные времена. Новейшие события сложно переплетаются с историями, случившимися давным-давно, неожиданные злосчастья – с бедами, казалось бы, похороненными много лет назад. Воспоминания и помогают, и мешают разобраться: кто же виноват в полузабытых загадочных трагедиях и как они связаны с опасностями, обрушившимися на тех, кто некогда составлял веселую студенческую компанию. Детективный роман перерастает в

исследование нашего отношения к прошлому и заставляет задуматься о весьма болезненных этических проблемах.

Содержание

Медуза

6

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Вера Белоусова

Медуза

© В. М. Белоусова, наследники, 2022

© «Время», 2022

Медуза

Катя, женщина разумная и рассудительная, вот чего сначала никак не могла понять: почему не имейл? Зачем идти таким сложным путем? Тратить силы и время. Резать газеты, клеить, ксерокопии, потом доставка... Бред какой-то. А потом до нее дошло: как раз все правильно. Что бы она сделала с имейлом идиотского содержания? Скорее всего, проглядела бы одним глазом и уничтожила, не вдумываясь в смысл. А тут все-таки конверт, письмо – осязаемый, реальный предмет. Опять же усилия чьи-то очевидны, соответственно возникает мысль: вдруг это не просто так? Результат, впрочем, оказался тот же самый: подержала в руках, повертела и понесла выкидывать, потому что сказанное в письме никаким боком не соотносилось с ее жизнью и просто не могло быть ничем иным, кроме дурацкого розыгрыша. «Если ценишь жизнь – свою и близких, никому ничего НЕ ГОВОРИ!» «НЕ ГОВОРИ» – это она сразу заметила – заглавными буквами, разнокалиберными, но заглавными. Что-то такое знакомое... А, ну как же: «Мне нужен труп, я выбрал вас. До скорой встречи. Фантомас». Кто-то решил возродить добрую традицию шестидесятых. Словом, чушь – и быть бы письму в помойке, если бы на пути в кухню Катю не остановил телефонный звонок.

Звонил Илья, бывший муж, как раз в это время находив-

шийся в стадии ухода от второй жены к третьей. Этот бывший Илья, и вторая жена его, Ника, и сама Катя когда-то, сто лет назад, входили в одну компанию. В то, что называлось тогда «наша компания»... Третья жена была сильно помоложе. Катя ее толком не знала. Ника же как была, так и осталась Катиной хорошей приятельницей. Как-то так вышло, что Катя в свое время уступила мужа не только без боя, но даже с большим облегчением. Потому что замуж выходят не для того, чтоб зализывать раны. Это, впрочем, отдельная история...

Илья пребывал в состоянии крайнего раздражения, говорил много и неразборчиво, закрывая трубку рукой, чтобы его не услышали там, откуда он звонил. Он так и не отучился делиться с Катей своими горестями и требовать утешения. Катя привычно слушала вполуха, листая валявшийся на столе журнал. Чем-то он был недоволен, на что-то жаловался, что-то все делали не так, как ему хотелось бы, Ника – в частности... Нет, ну надо же, он же еще и жалуется, что за человек! Вдруг в потоке промелькнула фраза, зацепившая Катино внимание: «Она и так в истерике, а тут еще бумажка эта идиотская, мудачье какое-то забавляется, плюнуть и растереть, а она чуть ли не в милицию...»

– Постой, – сказала Катя, – какая бумажка?

– Ты не слушаешь, что ли? Письмо какое-то, буквы из газеты вырезаны, мальчишки какие-нибудь, хулиганы, говорю тебе – чушь собачья!..

– Позови Нику, а? – Катя почему-то не сомневалась, что он звонит из дому, просто закрылся с телефоном у себя в кабинете.

Илья, должно быть, подумал, что она решила наконец объяснить Нике, как следует расставаться с мужем. Катя слышала, как он кричит с плохо скрытым энтузиазмом: «Ника! Ника, ты где? Иди, Катя с тобой хочет поговорить».

Разумеется, письмо оказалось точно такое же. Ника из-за него нервничала, а впрочем, скорее всего, не из-за него – оно просто подвернулось под руку в качестве дополнительного предлога. Катя добросовестно ее успокаивала. Сама она пока не нервничала, но – удивилась и, вместо того чтобы выбросить, заложила письмо в журнал.

Дальше события стали развиваться в бешеном темпе. Нику, как выяснилось впоследствии, Катина реакция не удовлетворила. Она сочла, что Катя относится чересчур легкомысленно – то ли в силу присущего ей непрошибаемого спокойствия, то ли подыгрывает Илье, – и позвонила пожаловаться еще одной общей подруге, Лере. Выяснилось, что Лера в тот же день получила такое же письмо и уже успела позвонить Женьке. А кто-то из них позвонил Миреле. Или не так: Ника позвонила Женьке сама, независимо от Леры, а Мирела, кажется, позвонила Нике... Словом, порядок созвона совершенно не важен, а важен результат: выяснилось, что пять человек, все – подруги юности, примерно в одно и то же время получили письма одинакового нелепого содержания с угро-

зами и требованием никому ничего не сообщать.

Катина уверенность в том, что все это не стоит выеденного яйца, немного поколебалась.

Договорились встретиться у Женьки, невольно возродив старую традицию. Когда-то давно встречались чаще всего у нее, потому что все жили с родителями, а Женькиных почти никогда не было дома. Командировки какие-то бесконечные, что-то они там строили, кажется, в Монголии... Женька была сознательная, сессию всегда сдавала в срок, да и все они, в общем, тоже оправдывали родительское доверие, но квартиру эту использовали в хвост и в гриву... (Катя, пока ехала туда, улыбалась, вспоминая.) Теперь-то можно было встретиться у кого угодно, но Женька сразу спросила: «Во сколько вас ждать?» – как будто дело происходило сто лет назад, и никому не пришло в голову спрашивать: а почему именно у тебя.

* * *

В те времена, сто лет назад, в любой компании почти все девочки были Ленами. А у них почему-то – ни одной Лены. Зато была Мирела. Плюс к сравнительно экзотическим Валерии с Вероникой – еще и Мирела. Странное имя... В честь бабушки-цыганки, которую Катя долго считала плодом Миркиной фантазии и которая оказалась самой что ни на есть настоящей. Кто-то говорил, что Мирела значит «восхищаю-

щая». Вполне подходяще, если так...

А они, кстати, обычно называли ее просто Миркой... Катя вдруг вспомнила: был такой майор Соколов, преподаватель военного дела... Тоже, разумеется, заглядывался на Мирелу, как и все прочие. Долго мялся, прежде чем разрешить сомнения: «Я извиняюсь, Мирра, вы какой национальности? Еврейской?» Катя хмыкнула. Она вдруг очень ясно вспомнила майора Соколова и развеселилась.

Собираться всей компанией они перестали давным-давно. Изредка перезванивались, кто-то с кем-то иногда виделся, иногда встречались в публичных местах, но все вместе – нет. А традиции встречаться только женским составом и раньше никогда не было. Эта встреча, впрочем, тоже была не вполне девичником – скорее, военным советом. Сначала, правда, поговорили о том о сем. Никто как будто не хотел первым касаться неприятной темы. Сидели в гостиной, пили красненькое, жевали бутерброды. Женька просила прощения – не успела ничего приготовить, только вернулась из командировки, из Питера. Вернулась – и тут же на тебе: сюрпризец в почтовом ящике! Как-то сбило ее это с панталыку, запланировала кучу дел, да так ничего и не сделала.

От Женькиных извинений естественным образом перешли к обсуждению. И тут же поняли, что толком обсудить ничего не могут. В частности, потому, что реагируют на эту историю совершенно по-разному. Катя все-таки склонялась к тому, что лучше на все это плюнуть, Мирела согласно ки-

вала, но вид у нее был озадаченный. Ника нервничала, кусала губу и говорила, что неплохо бы все ж таки разобраться. А вообще они в тот день все были как-то на себя не похожи. Женька, обычно разговорчивая и категоричная, сидела тихонько, забившись в угол дивана, и жаловалась на головную боль. Черт дернул ехать ночным поездом, не хотелось день терять, много от него проку, от такого дня... Лера, далеко не самая трепетная из них, в прошлом большая пофигистка, почему-то на этот раз впала в истерику. Рассуждать была не в состоянии и упорно повторяла, что, во-первых, это неспроста и, во-вторых, что нужно обратиться в милицию. Последняя мысль изумила всех одинаково.

– Ты это серьезно? – осторожно поинтересовалась Ника.

– Что – это?

– Ну вот это, насчет милиции.

– Абсолютно. Серьезнее некуда.

– И как ты себе это представляешь? Понесешь им цидульку?

– Понесу!

– Лера, я тебя умоляю! Тебя там никто слушать не станет.

Ну ты сама подумай!

– А я им скажу...

– Что?

– Ничего, – Лера мрачно махнула рукой. – Неважно. Но ведь так же тоже нельзя! Ведь что-то же надо... «Не говори!» Да ради бога! Я человек не принципиальный, охотно

промолчу, если надо – но о чем?! О чем – молчать? Не ходить – куда?

Что-то такое Кате померещилось в этот момент, что-то смутно знакомое... когда-то что-то такое уже было...

– Так вот я же и говорю, что это чушь какая-то, – осторожно вклинилась она. – Даже стыдно как-то всерьез разговаривать.

– Пять, Катя! Пять писем, кто-то не поленился. И этот кто-то знает про наши отношения. И почему именно нам?

– А вот это, кстати, не очевидно, – пробормотала Мирела. – Откуда мы знаем, может, их еще пол-Москвы получили?

– Действительно...

– Да подите вы куда подальше с вашей формальной логикой! – Лера стукнула кулаком по ручке кресла. – Я обзванивала знакомых...

– И я, – вставила Ника.

– Вот видите! Никто ничего не слышал! Никто, кроме нас! Оставьте, Мирка, – я знаю, что вы с Катькой сейчас скажете! Да, я не могла обзвонить все человечество! Ну и что? Простой здравый смысл говорит, что это нам адресовано, нам – и никому другому!

Лера заводилась все больше. Женя страдальчески сжимала виски.

– Не кричи, ради бога, – сказала Мирела. – Хорошо, пусть так. Дальше что?

– Не знаю, не знаю что!.. Я бы в милицию...

– С ума сошла!

И снова по кругу. Словом, типичное переливание из пустого в порожнее. Так и разошлись, ни до чего не договорившись.

Катя, впрочем, не сомневалась, что так оно и будет. О чем тут можно было договориться? Так – перетереть, выпустить пар. Когда перед уходом стояли в передней – натягивали сапоги, заматывали шарфы, возникла минутная неловкость: зачем собирались, на что рассчитывали? Продолжать разговор не имело смысла, а говорить о другом как-то не выходило. Женя усердно рылась в сумке, валявшейся в передней на тумбочке, и бормотала себе под нос: «Да где ж оно, черт возьми! Неужели кончилось?»

– Лекарство ищешь? – догадалась Мирела. – У меня экседрин есть, хочешь? Я всегда привожу...

– Нет, спасибо... Мне без анальгина не помогает. Да тут оно где-то, сейчас... Или я потом выскочу, аптека в доме...

Расцеловались и разошлись. По дороге домой Катя думала не столько о письмах, сколько о том, что все «девочки» выглядят очень даже неплохо для своих сорока с хвостиком, что Ника явно унывает и надо бы как-нибудь в ближайшее время встретиться с ней, убедить плюнуть на Илью и встряхнуться. А потом в сумке зазвонил мобильник, и она полностью переключилась на собственные текущие дела.

Дела, например, такие. Звонила Катина дочка Варя – ска-

зять, что едет домой, и не одна, а с бойфрендом, которого давным-давно собиралась представить Кате, но все никак не могла собраться. Для порядку спрашивала, удобно ли сегодня, хотя яснее ясного было, что Катя по такому случаю отменит все прочие дела. Катя сказала, конечно, удобно, что за вопрос! – но сама немного растерялась, потому что вечером должен был прийти Гриша, ее собственный бойфренд. Варя относилась к нему вполне лояльно, но – кто его знает – может, сегодня лучше бы без посторонних. Не вполне посторонних, впрочем...

С Гришей было вот что: он был моложе. Не то что бы очень намного... как посмотреть... на целых шесть лет. Катю эта разница временами угнетала, а временами казалось – вроде ничего страшного. Главная беда состояла в том, что они были знакомы в детстве – то есть в Гришином детстве, а Катином отрочестве, хотя потом и потеряли друг друга на много лет. У Катиной матери была приятельница, а у приятельницы – сын. «Катиной матери подруги сын», – как сказала бы Катина бабушка. У Кати осталось о нем довольно смутное воспоминание, зато он говорил, что Катя поразила его в детстве на всю жизнь. И что-то о том, как он увидел ее в белом платье перед выпускным балом... Ох, лучше бы он этого не говорил! У нее, значит, выпускной, а ему в это время – сколько? – одиннадцать, что ли? Кошмар!

Они встретились около года назад, случайно, у общих знакомых. Гриша, как выяснилось, – вполне взрослый, разве-

денный, два сына-школьника. Катя же примерно к этому моменту почти совсем перестала понимать, зачем нужен муж. Дети – да, дети – другое дело, это – *sine qua non*¹, плюс любовники время от времени. Свобода, независимость – как хорошо! Так она и жила много лет после развода с Ильей. Гриша пока как будто вписывался в эту схему, но что-то было не так, отношения куда-то двигались, в какую-то неожиданную сторону. Катя пока не знала, как к этому относиться.

С Варькой Гриша довольно легко нашел общий язык, но кто знает, как оно будет с этим бойфрендом... Сказать, что ли, Грише, чтобы не приходил?

Катя немного помаялась над этим вопросом, выбирая пирожные, а потом решила пустить это дело на самотек.

Зря она опасалась. Варькин Антон заранее нравился ей по рассказам и в жизни оказался не хуже, очень славный. Держался хорошо, свободно. При этом временами поглядывал на Варьку, словно проверяя, довольна ли она им, все ли в порядке, – и правильно делал, это Кате тоже понравилось. Вообще на Варьку он смотрел как надо. И с Гришей они с ходу нашли общий язык – сперва геном и клонирование (один – биофизик, другой – студент биофака), а потом просто всё подряд. Словом, получился славный семейный вечер. Просто отлично. Ни малейшей неловкости, ни одной тягостной паузы. Сидели, болтали, ели-пили, смеялись – и так, пока не зазвонил телефон. Варька, довольная, оживленная, первой

¹ Необходимое условие (*лат.*).

метнулась в соседнюю комнату и через минуту вернулась с трубкой. Лицо растерянное, глаза широко распахнуты, вид испуганный. Трубку она держала как-то странно – в вытянутой руке.

– Это тебя. Лера. Кажется, что-то случилось...

По первому же «але» стало понятно: что-то очень нехорошо.

– Что случилось? – замирая, спросила Катя.

– Женьку машина сбила.

– Господи, как?!

– Не знаю, не знаю, ничего не знаю! Я позвонила, хотела узнать, как ее голова... а там свекровь, с Петькой осталась, Федор в больницу поехал... Плохо все, Кать. Она в реанимации... Ты поедешь?

Потом была довольно бессмысленная поездка в больницу, бесконечное сидение под дверью реанимации, лица, сизые от больничного освещения, тягостное молчание... Надо что-то сказать Женькиному Феде, поддержать как-то, а как? Что тут скажешь? Ника и Мирела тоже приехали, – минут через десять после Кати с Лерой, Лера им позвонила.

Ничего хорошего врач не сказал. Кома – и что дальше будет, никому неизвестно.

Из больницы вышли в мрачном молчании. Нике с Мирелой было в одну сторону, Кате с Лерой – в другую. Так и шли молча. Вдруг Лера остановилась и выкрикнула чуть ли не злобно:

– Какого черта ее на улицу понесло, хотела бы я знать?

– Вопрос из старинной комедии. Вообще на улицу не выходить?

– Она же ложиться собиралась. Куда ее понесло на ночь глядя? Голова болела, таблетку хотела принять...

– Может, за таблетками и пошла, – задумчиво сказала Катя. – У нее кончились, что ли, помнишь? Хотя нет, тогда бы она далеко не ушла, аптека-то у них в доме...

– Так она и не ушла, ее во дворе сбили!

– Как – во дворе?

– А вот так! Не знаю я как! Пронеслась какая-то сволочь, причем, видимо, на полной скорости, ну и не остановилась, ясное дело. Вроде кто-то издали увидел и подбежал. Так Федя говорит. Темно там было, ничего толком не разглядишь. Ни номера, ни цвета – ничего...

Последние слова она договаривала, думая как будто о другом. В эту же секунду между ними прошло что-то странное, смутная мысль, заставившая обеих вздрогнуть и застыть на месте. А потом Лера заговорила снова, ухватив Катю за рукав и глядя ей в лицо совершенно горячечным взглядом.

– Ты понимаешь, что это значит?

– *Может* значить, – поправила Катя, все еще надеясь победить подступающий хаос логикой. – А может и не значить. Пойдем, холодно стоять.

Лера покорно сделала пару шагов, но тут же снова остановилась.

– Катя, пожалуйста! – в голосе звучало что-то похожее на настоящую мольбу. – Ну послушай, я же не прошу тебя со мной соглашаться! По-твоему, это совпадение, тебе так комфортнее – пускай, на здоровье. Но, пожалуйста, пожалуйста, давай рассмотрим другую возможность! Давай обсудим как следует, чтоб все по полочкам, как ты умеешь. Я не говорю сегодня – сегодня ночь на дворе. А завтра? Давай завтра, а? Пересечемся где-нибудь...

Катя, конечно, согласилась. Во-первых, все равно не переубедить. Но не только. Было кое-что еще. Гораздо легче было «раскладывать по полочкам», сочинять детектив, чем представлять себе Женьку без сознания на больничной койке. А вовсе об этом не думать – нет, такой опции уже не существовало, увы.

И вот, Катя честно попробовала рассуждать. Единственное, что она себе позволила, – это начать со слов: «Если исходить из того...» и подчеркнуть это «если» для порядка и для очистки совести. Дело было в кафе, они вчетвером встретились там на следующий день.

– Если исходить из того, что эти письма написаны всерьез и адресованы именно нам, то, очевидно, следует предположить, что мы, все пятеро, обладаем какой-то информацией, которая представляет для кого-то опасность.

Н-да, не особенно... «какой-то», «кого-то», и вообще – тоже мне дедукция! Те, однако, слушали как замороженные. Следовало продолжать. Но тут неожиданно вступила Лера.

– И если так, то значит, Женька действительно что-то знала. Или первая догадалась, о чем речь. И наверное, решила, что лучше не молчать...

– Ерунда! – с досадой прервала Мирела. – Откуда, по-твоему, этот человек мог узнать, что она собирается делать?

– Какой человек?

– Ну этот... злодей. Давай дальше, Катя.

– Да, – сказала Катя. – Мне тоже кажется, что про Женьку пока лучше не надо. Значит, смотрите: единственное, что мы можем сейчас сделать, – это попытаться понять, о чем в этих письмах идет речь. Если пойдем, то, может быть, угадаем, кто их написал. Дальше: это должно быть что-то такое, что знаем, видели, слышали именно мы. Я бы, пожалуй, сказала – наше общее воспоминание.

– Воспоминание? – переспросила Ника.

– Разумеется, воспоминание, что же еще? – отрезала Мирела. – Много у нас в последнее время общих впечатлений?

– Ну да, вот и я о том же, – кивнула Катя. – А прошлое у нас как раз общее. Остается пустячок: выковырять из нашего общего прошлого что-нибудь такое... подозрительное. И тут я пас.

– И я.

– И я. Ничего подозрительного...

– Пойдите! – вдруг пробормотала Лера, перебегая глазами с одной на другую. – Как же вы так говорите? А... А Гарик?

Тут Катя, надо сказать, растерялась. «Что же с памятью, граждане?» – как любил интересоваться Булгаков. То есть даже не с памятью, а вообще с головой! Что за нелепые фокусы выкидывает сознание? Лера ведь совершенно права...

– Это был несчастный случай! – неожиданно выкрикнула Мирела и добавила странным, придушенным голосом: – Ведь милиция...

– Да, я знаю, они проверяли... Да, сказали: несчастный случай. Слушайте, мы никогда про это не... да и вообще... мало виделись... с тех пор, – Лера говорила горячо и сбивчиво, обводя всех странным взглядом. – Но скажите мне – вы что, правда верите, что он мог закрыть эту чертову заслонку? Вы что, не помните?

Как же не помнить...

* * *

...Поезд приходил в *** в четыре с чем-то утра. Ночью какие-то безумцы-истопники зачем-то раскалили вагон докрасна, дышать невозможно, поэтому первый момент на перроне показался блаженством, и прошло еще несколько минут, пока они осознали, какой на самом деле стоит зверский холод. Руки-ноги заоченели в два счета, ноздри стали противно слипаться. А до тепла между тем было идти и идти, шесть километров лесом. И главное – совсем ночь. Луна – то есть, то нет, сосны черные, темнее неба, на снегу тени...

И холод, холод жуткий. Кате-то как раз было все равно: холодно – не холодно. Ей больше глаза мешали. Жгло, щипало, веки тяжелые, хоть пальцами подымай. От недосыпа, конечно, и не только в поезде. Она вообще в последние дни мало спала. Стас улетал в этот самый день. До самолета оставалось несколько часов. Была задача – на часы не смотреть. Все, переворачиваем страницу. Да, впрочем, смотри не смотри, в этой темноте разве что-нибудь разглядишь. Сосны расплываются, тени расплываются – да что я, сплю, что ли? Или опять плачу?

Она сначала вообще не хотела ехать, не было настроения, но Илья ее уговорил. Уговаривал очень грамотно: ни слова о Катиных проблемах, поедем, там знаешь как здорово! как же – все поедут, а ты нет?! там лес, изба деревенская, настоящая, стены дышат, нас в усадьбу пустят, хранители – родительские друзья, захочешь – можем пожить, как помещики! водочка после морозца знаешь как хорошо идет? Гарик гитару возьмет, погуляем в лесу, водочки примем, песенку споем, стихишки почитаем, поехали! И только под самый конец добавил: чего в Москве-то сидеть? Все равно никакого толку не будет.

Тоска тоской, но мороз в конце концов все-таки взял свое. Через полчаса Катя, как и все прочие, уже не чаяла как добраться до места. Когда лес кончился и открылось поле, а за ним показались очертания крыш, раздался единодушный вопль восторга. Однако радоваться, как выяснилось, было

рано. Для них, городских жителей, дом автоматически означал защиту от холода. А между тем в нетопленной избе оказалось чуть ли не холоднее, чем на улице, – возможно, от обманутого ожидания.

Там была одна просторная комната, поделенная на три части двумя здоровенными печками, доходившими почти до потолка. «Эта – русская, а эта – просто, – объяснил Илья. – Ничего, щас протопим!» Но «щас» не вышло. Не хотели растапливаться ни та ни другая. Занимались этим делом Илья – как хозяин дома, и Сашка – как большой русофил, любитель русской старины, раз пятнадцать со вкусом повторивший: «сени» и «горница». Почему-то эта картинка так и стояла перед глазами: Илья, тощий, долговязый, согнулся перед печкой в три погибели, рядом – Сашка, человек-шкаф, на корточках. Остальные подносили дрова и разбирали, стуча зубами, сумки. Дрова подтащили, сумки разобрали, а огонь все не разгорался, и так – пока за дело не взялся Гарик. Тут же все и затрещало, и загорелось как надо. «Я не деревенский житель и не печных дел мастер, – сообщил он, кивая и раскланиваясь в ответ на аплодисменты. – Я просто пиро-ман и потому про огонь знаю». А вечером, когда они, перестаравшись, натопили до такой степени, что пришлось раздеваться до нижнего белья, тот же Гарик объяснял им, что это как раз хорошо, тепло продержится до утра, и еще объяснял, почему ни в коем случае нельзя закрывать заслонку, пока не погаснут последние огоньки и все не прогорит до

конца. И ворошил угли кочергой, пока наконец не сказал с удовлетворением: все, вот теперь можно. С тех пор, куда бы они ни ездили, он всегда отвечал у них за огонь – будь то костер или печка.

Из той поездки запомнилось кое-что забавное. Например, такое: с утра к их избе потянулись «ходоки» – местные жители с подношениями: солеными огурцами, грибами, мочеными яблоками, капустой. Илья принимал, благодарил, краснел, недоумевал, а они всей компашкой покатывались со смеху и говорили: ну что ж ты хочешь, все правильно – барчук приехал, из самой Москвы. На самом деле, местные так выражали любовь к Илюшиным родителям, милейшим людям, которые сто раз помогали им решать самые разные проблемы. Лучшей закуски под водку, кажется, никто из них никогда не пробовал.

И еще другое, совсем не забавное. Мясо. Какими глазами те же местные смотрели на мясо, которое они, по указанию Илюшиных родителей, привезли из Москвы «на подарки». Такими глазами... Часть кусков протухла в жарком вагоне, и теперь воняла на всю избу, они с Никой зажали носы и побежали на улицу – скорее выбросить, но на пороге их перехватила хранительница усадьбы. «Вы что, девочки? – говорила она, чуть ли не задыхаясь. – Выбрасывать? Господь с вами! Отдайте мне, если вам не нужно, мне внуков кормить нечем!» – «Пожалуйста, конечно... – беспомощно бормотали Катя с Никой. – Только оно же протухло, слышите, запах

какой?..» – «А я его в укусе вымочу, в укусе...» А сама смотрит на это мясо, смотрит... Вот жизнь собачья!.. Катю до сих пор передергивало от одного воспоминания.

Вообще же все было в точности так, как обещал Илья. Чистейший пьяный воздух, долгие прогулки, треп, снежки с эротическим подтекстом, треп, бесконечный треп, застолье, песни, стихи, треп... Катина беда, разумеется, никуда не делась, но временно свернулась клубочком, дожидаясь возможности выбросить лапу и оцарапать растопыренными когтями. Водочка тут, конечно, немало способствовала, чего греха таить. И в этом Илья не обманул, очень хорошо она шла с морозца под местные соления. Ледяная глыба внутри послушно подтаивала, развязывался язык, и ни с того ни с сего мелькала неожиданная мыслишка: а вдруг все еще ничего – как его там? – жизнь не кончается в девятнадцать лет? Ну вот, и была какая-то пьяноватая, бестолковая ночь с Ильей, за печкой, – уж очень просил, да и вообще – чего там! – от которой, несмотря на весь пьяноватый надрывчик, как ни странно, не осталось неприятного осадка, скорее наоборот.

А еще поездка запомнилась тем, что именно там в одном из полночных разговоров Васька впервые упомянул об отце, и это было началом конца...

Нет, стоп, позвольте, опять чепуха какая-то, это память снова выкидывает номера! Какое же начало конца, когда это была чуть ли не первая их совместная поездка? Не было там

никакого Васи и быть не могло, и Мирелы тоже не было. Они скоро появятся: сначала она, потом он, с небольшим интервалом, и тогда все пойдет по-другому, очень многое изменится, но еще не сейчас, их пока нет. Васькин отец... и все это – это другая поездка, через три года. Последний год учебы.

* * *

Но ведь непостижимо, просто в голове не укладывается. Катя в себя не могла прийти. Как, скажите на милость, можно было не сопоставить, не вспомнить вот этого самого, вот этого всего: про поездки, про печку? Почему они с такой готовностью поверили в несчастный случай? Дело не в том, что этого не могло быть. Конечно, все их воспоминания ничего не доказывают. Мог быть и несчастный случай, никто не застрахован от самых идиотских ошибок. Но не задуматься, не усомниться ни на секунду! Интересно, что вспомнила именно Лерка. Ну Лерке-то, допустим, и карты в руки – в ту, первую, поездку в ***ское они с Гариком еще были вместе, но ведь дело же не в этом, они-то все тоже там были! Самое удивительное: стоило Лерке заикнуться – и пожалуйста, никаких сомнений, все знают, о чем она!

– Почему ты молчала? – вопрос вертелся у всех, но задала его Ника.

– Когда?

– Тогда! Когда это случилось!

Лера обвела их растерянным взглядом.

– Мне только сейчас пришло в голову... Честное слово...

Вот когда стали говорить о подозрительном...

– Коллективное затмение... – пробормотала Катя. – Ладно, допустим, кто-то видел там, на даче, что-то подозрительное. Можно принять как рабочую версию. А если так...

– А если так, – перебила Мирела, – то надо, во-первых, вспомнить, кто там был. Всех вспомнить. Потом выяснить, кто не получал письма. Кто получил, тот не писал.

– Вот Илья, например, не получал... – Ника поежилась. – Но что-то я не думаю, что это он...

Миркина логика, конечно, хромала. Логика у нее часто хромала, плевать она хотела на логику, что называется – не устаивала быть умною. Кто получил, тот не писал, – это еще куда ни шло, хотя тоже... Теоретически любая из них могла написать сама себе, чтобы отвести подозрения. Но это ладно, это, допустим, маловероятно. Утверждать, что справедливо обратное, и подозревать всех, кто был в тот вечер на даче, а письма не получил... – вот это, конечно, натяжка, но вообще-то правда хорошо бы вспомнить, кто там был и как все было. И еще хорошо бы...

– И еще неплохо бы понять, почему письма пришли только женщинам, – сказала Катя вслух. – А самое странное – знаете что? Почему сейчас. Сколько лет прошло? Десять? Даже больше! Ведь об это вот все разбивается, понимаете?

Ну допустим, кто-то боится, что его застукали, но почему он сейчас спохватился-то? Почему не вылез тогда же и почему не успокоился за столько лет?

– Значит, что-то другое, – развела руками Мирела.

– А не было ничего другого! – азартно выкрикнула Лера. –

В смысле: ничего подозрительного! Правда ведь, Кать?

– Не знаю... Пожалуй... Ну хорошо, давайте, что ли, все-таки попробуем вспомнить, как там все было, детали какие-нибудь...

– Хорошо бы фотографии найти, – добавила Ника. – Лучше вспоминается. Кто-то ведь снимал, помните?

– Да, надо будет поискать.

Пустынное кафе к вечеру неожиданно заполнилось людьми. Становилось довольно шумно. Теперь им приходилось то и дело наклоняться друг к другу и повышать голос. Катя представила, как выглядит их группка со стороны: четыре элегантные дамы, сидят, как заговорщицы, голова к голове и выкрикивают время от времени странные вещи.

– Давайте все подумаем дома как следует, – предложила она. – А потом встретимся и сравним – кто что вспомнил.

На том и порешили.

* * *

Придя домой, Катя при первой же возможности взялась за дело. Перерыла ящик с фотоальбомами, извлекла нужные

и принялась их рассматривать. Да... В одну и ту же реку как раз, может, и можно... – чего там, вода и вода! А вот тот, кто входит во второй раз, уж точно не равен себе, входившему в первый. А впрочем, может, Гераклит об этом и говорил... или вовсе не говорил ничего похожего.

Вот они все лежат тут перед ней в виде плоских прямоугольничков – неужели это мы? А в общем, почему бы и нет? Очень даже похожи, если присмотреться. Если присмотреться. И пока еще все вместе и собираются дружить до глубокой старости. И никакие личные конфликты тому не помеха. О нет! Потому что объединяет их нечто куда более серьезное.

А объединяет их вот что. Все они очень не любят Софью Власьевну, советскую власть. Она же, Софья Власьевна, до поры до времени не проявляет к ним специального интереса, но и забыть о себе не дает ни на секунду, проникая во все поры существования.

Пока Катя была маленькая, мать постоянно просила деда говорить на эту тему шепотом. Был вечный страх – вот выйдет во двор, придет в детский сад или в школу и, не дай бог, ляпнет что-нибудь из услышанного дома. Дед был сильный человек, отмотал в лагере пять лет и не сломался. Шепот давался ему с трудом, не хотел он шептать, особенно у себя дома, но приходилось – ради дочери и внучки. Многие тогда росли под такой вот шепот. Вроде даже и не прислушивались особенно и не знали толком, о чем они там, но этого и не требовалось – что-то все равно оседало в подсознании. Да и

взрослые рано или поздно уставали шептаться. Дед, кстати, сидел не только у Кати. У Ильи тоже. И у Васи, но с Васей вообще – отдельная история. А Мирелкину бабушку-цыганку выслали на север, мать родилась в ссылке, в Норильске.

Вообще в этом смысле у всех складывалось по-разному. У Лерки, например, никто не сидел и никого никуда не ссылали. Родители, классические шестидесятники – костер, гитара, лыжи за печкой, – никак не могли смириться с тем, что Софья Власьевна их надула и снова показала звериный лик. Днем покорно конструировали в каком-то ящике подводную лодку, а дома, вечером, отводили душу.

Или, например, Женька. Здесь вообще сработал совсем другой механизм – от противного. Родители часто уезжали в командировки, вызывали на помощь бабушку. Бабушка была тот еще экземпляр – старая большевичка, идейная и непоколебимая. Переборщила она со своей пропагандой и агитацией – у Женьки выработалась стойкая идиосинкразия. Принципиальность, впрочем, передалась по наследству...

Да стоит ли вообще искать корни? Кому-то хватало просто оглянуться вокруг.

Итак, они ее очень не любят. А мало что сближает так, как общий противник, особенно если он злобен, коварен и вездесущ. Личные конфликты, конечно, есть – куда ж от них денешься. Кто-то, скажем, распускает сплетни, кто-то кого-то бросает, кто-то кого-то отбивает... Лера, например, самым бессовестным образом увела Гарика у Ники, и Ника стра-

дала. Гарик этот вообще до появления Мирелы был чем-то вроде переходящего приза. Все это имело место, но на фоне главного как-то бледнело, что ли, теряло вес. Не становилось уважительной причиной для ссоры или тем более разрыва. Ну и какая же тут, спрашивается, самостоятельность и внутренняя независимость, если выходит, что не кто иной, как она, сука Софья Власьевна, диктовала им, что хорошо, что плохо, что важно, а что не важно? Парадокс, что и говорить... Катя спохватилась, что думает не о том, и снова принялась за фотографии.

Смешные какие... Вот эти, первые, – с картошки. Кто же там фотографировал? Ни за что не вспомнить... Видок у них у всех тот еще. Грязные, встрепанные, в ватниках. Баня там, помнится, была раз в неделю. Вот Женька – кудрявая, круглолицая, очень серьезная, смотрит почему-то непримиримо. Ох как страшно представлять себе ее голову в бинтах, на подушке... Нет, об этом сейчас нельзя. Временно вытесняем. Слезами горю не поможешь и всякое такое... Смотрим дальше. Рядом – Лерка. Светлые волосы – по плечам, вид, несмотря на ватник, чрезвычайно кокетливый. Ника машет кому-то рукой – фотографу? и кто же все-таки этот фотограф, спрашивается? – и улыбается. Даже в ватнике видно, что миниатюрная черная челка до бровей, высокие скулы, глаза чуть раскосые. Странно, сейчас эта раскосость как будто меньше заметна. А вот и она сама, Катя. Длинная, выше всех. Еще не постриглась, волосы гладко зачесаны и стянуты

в хвост. Глаза большие, круглые, смотрят с интересом. Почему-то вспомнилось, что тогда она себе на этой фотографии ужасно не понравилась. А теперь кажется – очень даже ничего.

На этой фотографии почему-то одни девочки. На другой – все вместе, на фоне большого сарая, сбоку – какие-то петухи и гуси, как в Тарусе. Собственно, только гусей и можно толком разглядеть, лиц не видно совершенно. Можно понять, что у мальчиков длинные волосы образца семидесятых – у всех, кроме Сашки, он перед картошкой предусмотрительно побрился наголо. И бачки, бачки у Гарика! Очень трогательные бачки, просто прелесть!

Ни Васьки, ни Мирелы, разумеется, еще нет. Это – самое начало. Там, на этой картошке, сложился костяк их компании.

Было примерно так. Вечером возвращались с поля, еле волоча ноги. Промерзшие, усталые, с одной мыслью – поскорее добраться до койки. А дальше начинались чудеса. Стоило кому-нибудь взять в руки гитару или включить магнитофон, как открывалось второе дыхание – если не у всех, то у многих. Вдруг выяснялось, что, в общем, даже и поплясать можно, а уж попеть и послушать – вообще за милую душу, как же без этого.

Главным гитаристом был Гарик. И вот как-то раз сидели вечерком, как обычно, слушали, подпевали. И так: «Герку-

лесовы столбы», «Смит-вессон калибра тридцать восемь»², Окуджава немножко, а потом он возьми да и спой, ни на кого не глядя, песенку запрещенного барда. Сама по себе песенка была довольно нейтральная, тут все дело было в имени автора, которое уже некоторое время было под строжайшим запретом. И – началось... Кто-то ничего не заметил, кто-то подтянулся поближе, кто-то даже подпел. Так они осторожно обнюхались в первый раз. А потом пошло: цитатки из запрещенных и полузапрещенных авторов, тайные имена – слова-знаки, слова-маячки, по которым они распознавали друг друга. И... собственно, вот так оно и сложилось...

Мысли окончательно уехали куда-то вбок. Катя встала и принялась расхаживать взад-вперед. Тут вошла Варька, с мороза, раскрасневшаяся, окинула взглядом стол с разложенными на нем фотографиями, вышагивающую по комнате Катю и отчего-то насторожилась:

– Ностальгия?

– Что-то вроде... – Катя, разумеется, не собиралась выдавать настоящую причину и рассказывать о письме – совершенно незачем девочку пугать.

– А чего ходишь-бродишь?

– Да так... Растекаюсь мыслию по древу.

– Не хочешь говорить?

– Да нет, почему, пожалуйста.

² Строка из популярной среди студенчества 1970-х песни «Мой корабль» (слова Сергея Шабунского).

И Катя рассказала вот как раз об этом: как Гарик спел, о словах-маячках. Варька удивилась.

– У тебя получается похоже на... ну я не знаю... на какую-то революционную ячейку. Подпольную.

– Да ничего подобного! – возмутилась Катя. – Во-первых и в-главных, мы не собирались ни с кем сражаться. А во-вторых, там вообще было совсем другое...

– Что – другое?

– Любовь. Эр-ротика.

Девочка смотрела с недоумением:

– Ты же сама только что...

– Сейчас объясню, – заторопилась Катя, сама удивляясь своему волнению. – Это не то... не о том! Это... как тебе сказать... это такое *sine qua non*... обязательное условие. Так обозначался круг людей, с которыми вообще имело смысл общаться, понимаешь? Да и сейчас это есть, что ты мне говоришь! Есть категории людей, с которыми ты, например, ни за что не стала бы... Стала бы ты общаться... ну я не знаю... со сталинистом, например, или с нацистом? Ну то-то! Не стала бы! Просто сейчас спектр шире, а тогда только мы и они...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.